

Глава 8. Клинок указывает на Юэци-шань

Е Чанлин смотрел вдаль, туда, где в ночной тишине застыли темные леса и суровые пики гор Юэци-шань.

— Знаете ли вы оба, почему «Трактат Пяти Лекарей» так жаждет заполучить весь мир? — не оборачиваясь, спросил он.

— Обыватели ищут в нем секреты долголетия и укрепления духа, — ответил Янь Хуайлин. — Те же, кто посвятил жизнь боевым искусствам, грезят о вершинах мастерства. Им нужны знания Трактата, чтобы достичь пределов возможного.

— Ученик полагает, — подал голос Цзан Е, — что если легенды правдивы, то всеобщие взоры прикованы прежде всего к Свитку Десяти тысяч лет.

Е Чанлин повернулся и одобрительно кивнул, поглаживая седую бороду.

— Верно. Трактат разделен на шесть томов: свитки Тайянь, Цзюньту, Ваньлин, Чжибу, Янхуа и тот самый, овеянный славой свиток Десяти тысяч лет. Том Тайянь был составлен Чэнь Линцзюнем, главой Пяти Лекарей. Остальные четверо — Байлан-цзюнь, Цянь Чэньцзюнь, Еман-цзюнь и Чу Суйцзюнь — записали знания регионов Цзюньту, Ваньлин, Янхуа и Чжибу. Раз в десять лет эти пятеро встречаются, чтобы объединить свои открытия в единый труд — Свиток Десяти тысяч лет. В нем заключена высшая ценность. Каждая часть Трактата соответствует определенным школам. И хотя в основе его лежат способы укрепления здоровья, на деле это мощнейшее подспорье: знания позволяют исправить изъяны техник любой школы. Тот, кто завладеет Трактатом, сможет объединить разрозненные стили и забыть о страхе перед искажением ци. Это кратчайший путь к господству в Поднебесной.

— Значит ли это, наставник, что слухи о Трактате — чистая правда? — серьезно спросил Цзан Е.

Е Чанлин кивнул:

— Именно так.

— Я слышал, что мастера школы Лин издавна дружны с Пятью Лекарями, — заметил Янь Хуайлин. — Быть может, почтенный наставник и сам водил с ними знакомство?

Старик тяжело вздохнул и поднял взор к густым кронам деревьев.

— Я знал их всех. В юности мы даже были близки с некоторыми. Но времена меняются, и люди — тоже. Когда Трактат явился миру, в среде воинов воцарился хаос, пошатнулось и спокойствие мастеров тайных искусств. Каждый жаждал заполучить книгу. Пятеро лекарей

желали лишь блага для народа, но их труд стал проклятием. Тогда они предпочли уйти в тень, разорвав все связи, и Трактат исчез, оставив после себя лишь легенды. Ныне местонахождение Свитка Десяти тысяч лет неизвестно, а региональные тома хранятся у самих Лекарей. Раз уж вы оказались в Ваньлине, разумнее всего будет начать с поисков местного свитка.

— Мы с господином Цзаном думали о том же, — кивнул Янь Хуайлин. — Однако нам неведомо, где находилось старое поместье Цянь Чэньцзюня. Потому мы и пришли за советом.

Е Чанлин едва заметно улыбнулся.

— Горы Юэци-шань бескрайни, в них сокрыто равновесие инь и ян, в них дышит само мироздание. Есть в небесных сокровищах нечто, что прячется от глаз людских, таясь в глубине долин среди пышной зелени.

Янь Хуайлин и Цзан Е обменялись взглядами и одновременно склонились в поклоне.

— Благодарю за наставление, мастер.

— Благодарю за мудрость, учитель.

— Завтра же отправляйтесь в путь. Дорога от Нинчжоу до Мяочжоу займет у вас дня три, не меньше.

— Почтенный, — Янь Хуайлин не удержался от вопроса, — раз Трактат неизбежно ведет к раздору между школами, почему вы решили помочь нам и тем, кому мы служим — лингуаню Цзяну из Тайяни и лингуаню Хуа из Ваньлина?

— Сведения о Трактате уже просочились, — спокойно ответил Е Чанлин. — Помогу я или нет, это не изменит судьбы, предначертанной Поднебесной. А раз бури не миновать, пусть лучше эта сила окажется в руках людей мудрых и проникательных.

Янь Хуайлин молча кивнул, принимая ответ.

— Молодой господин Янь, — Цзан Е повернулся к спутнику, его голос звучал глухо, — возвращайтесь в обитель и собирайте вещи. У меня еще остались неоконченные разговоры с учителем. Я догоню вас позже.

Понимая, что наставнику и ученику, не видевшимся десять лет, есть что обсудить, Хуайлин не стал задавать лишних вопросов. Он вежливо поклонился и стремительной тенью направился к Обители Зелёных Пиков.

Дождавшись, когда гость скроется из виду, Е Чанлин мягко спросил:

— Что еще тревожит тебя, Е-эр?

— Учитель. Десять лет назад вы наложили печать «Цяньли Бинфэн» на моего внутреннего демона. Позвольте спросить: когда придет день освобождения?

Старик медленно погладил бороду.

— Если ты все еще задаешь этот вопрос, значит, время еще не пришло. Момент освобождения не подвластен моей воле, он зависит лишь от твоего прозрения. Техника «Цяньли Бинфэн» может лишь «сковать», но не «искоренить». Чтобы избавиться от внутреннего демона, тебе придется самому найти путь.

Цзан Е опустил глаза, погружаясь в тяжелые думы.

В пятнадцать лет он уже был первым мечом школы Цзюньту, и сам Ван государства Дау, Ци Минцзюнь, выделял его среди прочих.

В шестнадцать он прошел через пламя войны, когда Дау объединяло разрозненные земли.

А когда он едва достиг двадцати, весь его род в Цзюньту был вырезан мастерами школы Цзюэ — Дун Хуаном и Шангуань Ци. Цзан Е уцелел лишь потому, что в ту ночь находился при дворе правителя.

Дуаньму Цюлин, знавший тайны обеих школ, не только не осудил убийц, но и во всеуслышание восхвалял Дун Хуана, попутно очерняя заслуги павшего рода Цзан.

Узнав правду, Цзан Е не смог больше служить королю. Сердце его разрывалось: долг благодарности перед правителем боролся с жадной мести за семью. Зло и добро сплелись в его душе в неразрывный узел.

В конце концов, ненависть поглотила его разум. Оставив службу, он отправился на поиски Дун Хуана и Шангуань Ци, но в ослеплении яростью породил в себе демона. От его клинка пало немало невинных адептов школы Цзюэ, что едва не раздуло пожар войны между двумя учениями.

Дун Хуан и Шангуань Ци к тому времени уже скрылись от мира. Потеряв надежду, Цзан Е хотел броситься в бездну с утеса Чжуцуй-шань, чтобы искупить грехи смертью. Но Е Чанлин спас его, наложив печать на темное пламя его души, и принял в ученики.

Прошло три года. В Обители Зелёных Пиков Цзан Е волею случая спас жизнь Хуа Чжундао, и тот мгновенно вцепился в него мертвой хваткой.

«Хуа Чжундао хоть и ведет себя порой безрассудно и заносчиво, но правитель он достойный», — раздался в тишине голос Е Чанлина. — «Тогда, десять лет назад, он явился, чтобы забрать тебя с собой — это и был твой шанс вернуться в мир. Не спеши избавляться от демона. У каждого союза и у каждой распри есть начало и конец, и однажды всё вернется к истоку».

Цзан Е отчетливо помнил тот день. Хуа Чжундао стоял перед ним, насмешливо щурясь.

«Ученик не достоин внимания господина. Боюсь, я лишь обману ваши ожидания».

«Сыграем? Дай мне слово — и я рискну».

«Прошу прощения, господин. Я человек грубый, и мне придется отклонить ваше лестное предложение».

«Ах ты, Цзан Е! Неужели я тебе не чета?»

«Ученик не смеет так думать».

«Раз ты спас меня, значит, уже в игре. А если бы бросил умирать — тогда и разговор был бы другой!»

Цзан Е вспомнил, как Хуа Чжундао шагнул в пропасть прямо у него на глазах, вынуждая действовать.

Одним прыжком он преодолел расстояние, подхватил лингуаня за пояс и уверенно приземлился на камни.

«Ха-ха-ха! Цзан Е, раз ты вступил в игру и спас мне жизнь, то держи слово. Отныне ты — мой человек».

«Господин!»

«Служи мне так же верно, как служил когда-то государю Дау. Согласен?»

«...»

«Я поговорю с твоим учителем. С этого дня ты — командующий моей Золотой гвардии. Твоя жизнь принадлежит мне, Хуа Чжундао!»

— Твой путь в мире — это лишь начало. Когда придет срок, ты встретишь его с открытым сердцем, и внутренний демон исчезнет сам собой.

— Я понял вас, учитель.

— Ступай.

— Слушаюсь.

Цзан Е по привычке хотел совершить три земных поклона, как делал это в юности. Но когда он обернулся, Е Чанлин уже исчез, словно его и не было.

Мужчина остался один под холодным светом луны и смягчился.

— Учитель... Ваш ученик запомнит этот урок навстречу судьбе.

Покои в гостевом домике после недавней схватки выглядели жалко, но Янь Хуайлин все же зашел внутрь, чтобы наскоро собрать вещи. Память о событиях того дня заставила его невольно вздохнуть.

«Похоже, у этого Цзан Е за плечами не меньше тайн, чем у меня. Всего не разглядеть, но спешить некуда — впереди много времени».

Хуайлин потянулся к вееру, висевшему на поясе, но, коснувшись измятой, пожелтевшей бумаги, вспомнил, как тот побывал в воде. С досадой покачал головой.

«Завтра в пути придется купить новый. Обидно только, что на устройство тайных механизмов уйдет уйма сил».

Он уже собирался зажечь свечу, чтобы разобрать веер, как вдруг за окном послышался шорох.

Хуайлин не успел даже обернуться, как темный силуэт бесшумно скользнул в комнату через распахнутое окно.

Дыхание незваного гостя показалось знакомым. Хуайлин уже сжимал в пальцах Яньюй-бяо, но медлил с броском. В полосе лунного света он разглядел лицо вошедшего и вздрогнул.

— Доброго вечера, господин Янь.

Перед ним стоял У Миншэн — тот самый, что сбежал с поля боя.

Лицо его казалось спокойным, но дыхание было прерывистым, а шаг — неуверенным. Хуайлин понял: внутренние раны, нанесенные Цзан Е, были куда серьезнее, чем казалось. Если бы этот человек вздумал напасть, Янь Хуайлин разделался бы с ним в два счета.

Сейчас он медлил лишь потому, что хотел знать: зачем этот мертвец вернулся?

— Даже не знаю, как к тебе обращаться. Господин Янь? Или всё-таки... младший брат Янь?

Хуайлин похолодел.

«Младший брат Янь?»

Так его называли в последний раз семь лет назад, в Цзюньту. В груди разлилась свинцовая тяжесть, а лицо сделалось бледным, как полотно.

Заметив его реакцию, «У Миншэн» криво усмехнулся. Он медленно поднес руку к лицу и с резким звуком сорвал тонкую маску.

Под ней скрывалось мертвенно-бледное лицо, напоминающее маску призрака. Он склонил голову набок, разглядывая Хуайлина.

— Я уже собирался вернуться с докладом к учителю, — пропел он вкрадчиво, — но вдруг подумал: а ведь ты, паршивец, не совсем бесполезен.

— Лю Сямин, — ледяным тоном произнес Янь Хуайлин.

Лю Сямин был старшим учеником Дун Хуана, мастера школы Цзюэ в Цзюньту. Он был тем, кто исполнял самую грязную работу, за которую его учитель не желал мараить руки.

— Почему же не «старший брат»? — Лю Сямин медленно приближался, его улыбка была пугающе красивой и ядовитой. — Наставник очень по тебе скучает.

Хуайлин промолчал, лишь крепче сжал в руках испорченный веер.

— Не бойся, — продолжал Сямин. — Я пришел не драться. Надо же, семь лет прошло, а ты поумнел. Научился заискивать перед сильными мира сего, притворяться благородным господином.

Хуайлин посмотрел пронзительно, как лезвие клинка.

— Говорят, ты теперь служишь Цзян Вэньчжоу из Тайяни. Значит, этот поход — его приказ?

Моё предложение крайне просто: продолжай исполнять свои обязанности, иди своим путем. Но когда доберешься до Трактата — будь благоразумен. Отдай свитки мне.

— Вот как? — с иронией отозвался Хуайлин. — Вижу, ты заглядываешь далеко вперед.

Лю Сямин усмехнулся:

— Ты всё-таки адепт нашей школы Цзюэ. Зачем тебе водиться с этим праведником из школы Лин? С помощью Трактата наше учение признают единственно верным, и слава о нем останется в веках.

— Не знал, что ты стал таким поборником справедливости, — презрительно фыркнул Хуайлин.
— И какая же мне от этого выгода?

— Выгода? — Лю Сямин хмыкнул. — Наставник сменит гнев на милость и перестанет охотиться за тобой — предателем, сбежавшим много лет назад.

— Какая великая честь, — Хуайлин осклабился. — Но боюсь, сейчас не тебе ставить мне условия. У меня нет ни малейшего желания подчиняться.

Лю Сямин прищурился.

— А знаешь ли ты, кто такой Цзан Е?

— Командующий Золотой гвардии Хуа Чжундао из Ваньлина.

— А до этого? — Сямин наступал, наслаждаясь своим превосходством. — Что тебе известно о его прошлом?

— Дух-хранитель его величества, первый меч Поднебесной.

— И это всё? — Лю Сямин подошел почти вплотную.

— У каждого есть прошлое, — Хуайлин раскрыл веер, закрываясь им, словно щитом. — К чему мне копаться в чужом грязном белье? Если хочешь загадывать загадки — поищи другого слушателя.

— Знаешь ли ты, что весь род Цзан был вырезан, и в живых остался лишь один человек?

Хуайлин остался бесстрастным, но внутри всё сжалось от дурного предчувствия.

— Месть свершили мастера Северной школы Цзюэ — Шангуань Ци и... наш наставник.

Хуайлин замер.

— Сейчас этот Цзан Е спокоен лишь потому, что ничего не знает. Он ищет Трактат вместе с тобой, не подозревая, что ты — ученик его заклятого врага. Как думаешь, что он сделает, когда узнает правду?

— Что он сделает — его забота. Мне-то что с того?

— Когда-то этот человек в поисках мести вырезал целые поселения адептов школы Цзюэ. Если бы учитель тогда не ушел в затворничество, Поднебесная сейчас выглядела бы иначе.

Янь Хуайлин холодно усмехнулся.

— Нас с Цзан Е не связывает теплая дружба. Если старые обиды заставят его обнажить меч — я готов постоять за себя.

— Постоять за себя? — Лю Сямин расхохотался. — Ты не видел первого меча в деле, когда он не сдерживает себя. Если он решит тебя прикончить — у тебя не будет ни единого шанса выжить!

Хуайлин знал, что это правда.

В честном бою, если Цзан Е выпустит на волю всю мощь четырех клинков, Хуайлину не поздоровится.

Однако он знал и другое: он куда хитрее Цзан Е. Хитрая лиса всегда найдет третью нору. Он не считал себя благородным мужем и, если придет нужда, не побрезгует никакими средствами, чтобы спасти свою шкуру.

— Ты идешь за ним, как раб. Зачем? Сделай то, что выгодно тебе: укради Трактат, принеси его наставнику, и я, Лю Сямин, обещаю — до конца своих дней ты ни в чем не будешь нуждаться.

— Увы. Янь Хуайлину этот ваш Трактат совершенно не интересен.

Зубрить чужие техники и следовать правилам было для него скукой смертной.

У него не хватало терпения вникать в каждую строчку и годами оттачивать одно и то же движение.

Красивые женщины, редкие сокровища — вот это стоило усилий. Его манили земные, порочные и, по мнению многих, низменные радости. А те, кто клал жизнь на алтарь долголетия или титула лучшего воина, казались ему просто дураками.

Он прекрасно знал, что и эти «высоконравственные» господа смотрят на него как на мусор. Но ему было плевать.

— Янь Хуайлин! — Лю Сямин внезапно рванулся вперед и железной хваткой вцепился в плечо Хуайлина. — Ты хоть понимаешь, что будет, если ты пойдешь против воли наставника?

— Когда-то я принял милость мастера Дун Хуана и выучил пару приемов школы Цзюэ для своих нужд. Но я никогда не клялся ему в верности и не входил в его школу официально. Учитель это прекрасно знает. Так о каком предательстве речь?

— Наглец! — прорычал Сямин. — Сначала украл знания, а теперь поешь песни! Ни стыда, ни совести!

Хуайлин весело хмыкнул.

— Ну, в этом мы с тобой стоим друг друга.

— Янь Хуайлин, — Лю Сямин смотрел на него ледяным взглядом, — если бы не уроки наставника, сумел бы ты создать свои четыре стиля «Черного гуся»?

При упоминании «Черного гуся» Хуайлин едва заметно нахмурился.

Лю Сямин мгновенно уловил это движение. Поняв, что силой от этого прохвоста ничего не добиться, он отпустил его плечо.

— Если не желаешь служить наставнику добром, он найдет другой способ. И тогда не говори, что старший брат тебя не предупреждал!

С этими словами Лю Сямин развернулся и исчез в ночи.

Хуайлин, несмотря на ранение врага, бросился вслед за ним, но, выскочив на крышу, обнаружил лишь пустоту.

Он стоял на черепице, глядя на яркую луну, и всё больше мрачнел.

О прошлом Цзан Е и Дун Хуана он слышал впервые.

Угрозы наставника давно перестали его пугать — к охоте за своей головой он привык.

Но в душе поселилось странное беспокойство. И виной тому были слова Сямина о Цзан Е.

«Сейчас этот Цзан Е спокоен лишь потому, что ничего не знает. Как думаешь, что он сделает, когда узнает правду?»

«Когда-то этот человек в поисках мести вырезал целые поселения адептов школы Цзюэ...»

Схватка с Цзан Е сама по себе не пугала Хуайлина.

По-настоящему пугающим было другое: он не мог представить, как этот обычно бесстрашный, холодный человек посмотрит на него с ненавистью. Увидит в нем не спутника, а кусок грязи, достойный лишь смерти.

Каково это будет?

Пока он стоял, погруженный в мысли, внизу слышались шаги.

Хуайлин опустил взгляд. Цзан Е неспешно шел к своей комнате мимо разрушенных стен.

Он проводил его взглядом, и почувствовал какое-то горькое, незнакомое чувство.

Впрочем, оно быстро угасло.

Цзан Е ему не друг и не враг. А если всё откроется — что ж, Янь Хуайлин просто исчезнет. Мир велик, им больше незачем будет встречаться.

Умение вовремя сбежать — главное качество великого вора. Чего тут бояться?

<http://bllate.org/book/17493/1709206>